

Родился знаток северной деревни Николай Жернаков в Холмогорах в 1914 году в многодетной крестьянской семье. Его отец Кузьма Прокопьевич, крестьянский грамотей, был человеком строгих правил, мужицкий заступник, составлял всякого рода бумаги, писал прошения, давал советы, а после революции был и на государственной службе. Мать Марфа Ивановна, с ранних лет сирота, выросла в страшной нужде, по словам писателя, была человеком изумительно душевной чистоты и стихийной культуры. От матери вся семья унаследовала любовь к песням. В автобиографии Николай Кузьмич написал: "Родился на Северной Двине, в Холмогорах. С ними связаны годы детства и юности. Неповторимая прелесть двинской поймы, суровая и нежная природа Севера всегда песней жили в моей душе. Жизнь земляков - родник моего творчества".

Еще в школе он пристрастился к чтению, читал запоем, без разбора, но тянуло к классикам. Семья у родителей была большая, из восьмерых детей Николай был пятым. Жили бедно, но дружно в небольшой избе. Ребятишек сизмальства приучали к труду. Коля с десяти лет пас лошадей и коров, косил для них сено, помогал матери по хозяйству. Время трудное, и не успел Николай подрасти, как пришлось пристраиваться к ремеслу. После окончания начальной школы двенадцатилетним пареньком он поступил в столярную мастерскую при Холмогорском детском доме. Жизнь учила Николая Жернакова на трудных примерах: работал в пекарне, плотничал, рыбачил на Двине с промысловой артелью. Смолоду приобщился к рыбалке и охоте, особенно утиной. Скорей всего, поэтому первая книга очерков озаглавлена «Охота на уток в низовьях Северной Двины». На глазах у мальчика, а потом юноши происходило в родной деревне столкновение старых и новых форм жизни, уходили в прошлое традиции старой деревни, возникали колхозы. Впечатления этих лет и дали впоследствии благодатный материал для начальных его произведений.

Восемнадцати лет юноша переехал в Архангельск, работал грузчиком, столяром по отделке кают и трюмов на судах, учился на курсах шоферов, на курсах немецкого языка. Одновременно учился заочно в средней школе, страстно увлекался литературой, запоем читал сочинения классиков. Затем два с половиной года служил в армии на финской границе. В дивизионной газете впервые были напечатаны его стихи.

После демобилизации - снова труд на Севере, на этот раз на стройке нового города на берегу Белого моря – Северодвинска. Тесное общение с рабочим коллективом, упорная борьба с многочисленными трудностями закаляли характер молодого техника, расширяли его кругозор, обогащали жизненными знаниями.

Но, пожалуй, наиболее суровым экзаменом для будущего писателя, как и для многих людей его поколения, явился фронт. В Великую Отечественную войну, младший лейтенант Николай Жернаков командовал взводом лыжников в боях под Москвой, участвовал в освобождении Клина, Калинина. Потом был командиром роты истребителей танков. Получил на войне несколько ранений, а в боях под Харьковом зимой 1943 года ему перебило обе руки. Писатель придерживался мнения, что товарищество надежнее, чем просто дружба. Друг - это больше для помощи в житейских делах, для семейного общения, для застолья. Дружба проверяется повседневностью, а товарищество в критических ситуациях, особенно на войне. Жернаков часто вспоминал фронтовых товарищей, неоднократно выручавших его в боях. Однажды немецкий автоматчик в упор выпустил в Жернакова очередь, перебив обе руки, но не успел добить

его, сраженный пулями бойцов. Солдаты на руках несли своего командира роты в медсанбат и тем спасли ему жизнь. За подвиги был награжден орденами Отечественной войны 1 –й степени и Красной Звезды, а также многими медалями.

После войны Жернаков надолго поселился в Холмогорах и большую часть времени работал на рыбзаводе технологом по обработке семги. В эти годы уже писал в газету очерки, фельетоны, корреспонденции. А в 1955 году уже начал штатно работать в районной газете. Его дарование заметили в областной газете, и вскоре он был утвержден собственным корреспондентом «Правды Севера». Он ведет своеобразную летопись трудовых достижений односельчан, пишет о лучших людях – бригадирах, доярках, механизаторах. Так накапливался материал для будущих его книг.

Чета Жернаковых всегда славилась гостеприимством и радушием. Гостей приветливо встречал Николай Кузьмич, а Антонина Николаевна угощала отменными рыбниками. Вспоминает Дмитрий Ушаков: «Бывал я у них в небольшой старой квартире, когда сыновья жили с ними, и потому Жернаков писал в кухне. В холмогорском домишке, куда он выезжал в летние месяцы, рабочим кабинетом служила чердачная каморка, в которую надо было влезать по узкой лестнице. Но в этой каморке в детстве и юности он привык отдыхать после тяжелых деревенских трудов. Именно труд способствовал закалке характера, приучал к самостоятельности, вырабатывал чувство взаимопомощи и товарищества. Недаром идеалом для него были Тарас и Остап - герои повести Гоголя. Впоследствии Николай Кузьмич признавался: "Тарас Бульба" так меня потряс, что я буквально бредил прочитанным. В играх с ребятами неизменно становился или Тарасом, или Остапом..."

В 1953 году в альманахе «Север» был напечатан его первый рассказ «Стерляжники», автору тогда было почти 39 лет. Затем появилась повесть «Восход» о коллективизации на севере. И хотя в стилевой манере писателя еще чувствовалась скованность, некоторые образы героев получились не разработанными, слабыми, повесть подкупала читателя хорошим знанием крестьянской жизни, умением писателя улавливать северные краски. Жернаков правдиво показал многочисленные трудности, сопутствующие организации первых коллективных хозяйств и характерные для северной деревни в целом. Сам писатель весьма критически относился к своим произведениям. О «Восходе» записал в дневнике: «Эта попытка заявить о себе была встречена читателями и критикой благожелательно, хотя в повести можно без особого труда разглядеть густой отпечаток влияния «Поднятой целины» Михаила Шолохова»... Итак, первым крупным произведением Жернаков зарекомендовал себя как пытливый, думающий литератор, проявляющий повышенное внимание к сокровенным мыслям людей. Повесть подкупала чистосердечностью, откровенностью – качествами, которые станут впоследствии органическими свойствами таланта этого писателя. «Восход» и «Единомышленники» были первым этапом в разработке Жернаковым деревенской тематики.

Прежде чем приступить к написанию повести "Быть флоту Российскому", Жернаков роется в архивах, изучает материалы о Петре Первом, о его пребывании на Вавчугской верфи братьев Бажениных, о корабельном строительстве на Двине. Книга была издана в 1958 году. На следующий год появился сборник рассказов "Сосны шумят", посвященный событиям гражданской войны на Севере.

За эти три книги Жернакова приняли в Союз писателей, что наложило на него еще большую ответственность при создании литературных произведений, вызвало в нем творческий подъем. Он взялся за крупное произведение - роман "Единомышленники". О нем автор писал: "Эта книга, на мой взгляд,... о трудной борьбе за нового человека, за коммунистическое будущее, о неповторимой и сложной работе партии в деревне...". Сын своего времени, он писал о том, что волновало и тревожило его, как гражданина и писателя.

В 47 лет, будучи уже замеченным и по-доброму оцененным критикой писателем, Жернаков едет в Москву на высшие литературные курсы, и эти два года вспоминает как время своей «писательской молодости». "Как кому, а мне, имеющему беспорядочное образование, эти курсы дали многое; я буду вечно благодарен им", - не раз говаривал Жернаков. После окончания курсов в 1964 году целиком отдался творческой работе, воплощая в жизнь свои писательские замыслы.

Одна за другой в Москве и Архангельске печатаются повести и сборники рассказов, одновременно писатель трудится над своей главной книгой, трилогией "Краснотал", которая выходит в 1979 году в издательстве "Советская Россия", а затем неоднократно переиздается в других издательствах страны. Но Жернаков, несмотря на творческую занятость, деятельно участвует в литературной жизни Архангельска. Федор Александрович Абрамов, с которым дружил Николай Кузьмич, писал ему: "Вот уж ты поистине на все руки мастер: и роман сработать, и пламенно выступить в защиту леса, и о новой книжке высказаться. Завидно, ей-богу, завидно".

Так вспоминает Дмитрий Ушаков свою первую встречу с Жернаковым: «С Николаем я познакомился в 1960 году, будучи студентом московского Литературного института имени Горького. Приехав на каникулы в родной город, зашел в местный Союз писателей за какой-то справкой. В комнате за письменным столом, сидел широкоплечий человек, красивый с лица, с густой шевелюрой волос, расчесанных широкими полосами седины. Я представился. Он вышел из-за стола, мы обменялись рукопожатиями. Ладонь его шершавили шрамы, пальцы были скрючены. Видимо он заметил, как у меня дрогнули губы, усмехнулся и сказал: "Фронтное ранение". Не обращай внимания. Звать меня Николай Кузьмич. Фамилия Жернаков. Секретарь отделения Союза писателей. Присаживайтесь Дмитрий..." О северном прозаике Николае Жернакове я не только слышал до этой встречи, но и читал его повесть "Быть флоту Российскому", которая мне весьмаглянулась. Я сказал ему об этом. Но он тут же поинтересовался жизнью Литинститута, моей учебой, намекнул, что родные края надеются на мое возвращение обратно. И добавил: "Счастливые ваше поколение, имеете возможность учиться. И мне надо бы получить образование, но годы, годы..."

Написал соответствующую справку, заверил печатью. А на прощанье подарил роман "Единомышленники", только что вышедший в Архангельском книжном издательстве. Это было первое, но далеко не последнее произведение, подаренное мне Николаем Кузьмичом. Я ушел от него с чувством глубокой благодарности и радостным ощущением от знакомства со столь симпатичным, добрым и благородным человеком.

Холмогорское Северодвинье – место действия его романов, повестей, рассказов. Северодвинские крестьяне – их герои.

Любимым детищем писателя, над которым он работал с особым вдохновением и упорством, безусловно, является трилогия "Краснотал". В нее вошли книги: "Горелый бор", "Краснотал" и "Крутые сувои". Трилогия охватывает огромный отрезок времени - от событий первой мировой войны до победы над фашистами под Сталинградом.

В центре главного произведения Жернакова - эпопеи «Краснотал» - женская судьба, женская драма, неразрывная с драмой истории. Крепкая зажиточная семья Лыткиных, дочка-любимица Устинька влюбилась в Илейку Рябова, сына батрака. Илейка с Устинькой бегут из дому, но были пойманы и оказавший сопротивление, Илейка был отправлен на каторгу, а Устинька пыталась покончить с собой и потом была выдана замуж за Захария.

Начало романа – канун первой мировой войны. Главные сюжетные линии проходят в придвинском селе Горелый Бор. Надо сказать, что не будь уже романа под названием «Тихий Дон», то Жернаков возможно назвал бы свой роман не «Краснотал», а «Северная Двина». Ведь все события, описанные в романе, разворачиваются в низовьях Северной Двины, в холмогорских сёлах, хотя сам город Холмогоры и не назван своим именем. Сами события войны не занимают сколько-нибудь значительного места в романе. Жернаков не стремится показать их ход, так как главная задача показать, как эти события отразились на жизни северной деревни, какую роль сыграли они в судьбах северного крестьянства. Это важно потому, что условия и специфика жизни здесь существенно отличаются от условий других краев России.

Затем показана гражданская война на севере, борьба с «каманами» (интервентами) и белогвардейцами. Жернаков в «Краснотале» показывает героя гражданской войны Павлина Виноградова и его гибель.

Вторая книга трилогии «Краснотал» начинается с изгнания интервентов и победы красных войск на Севере и заканчивается коллективизацией и раскулачиванием, до 1930 года. Автор говорит: «Может быть нигде не было так сложно с коллективизацией, как на Севере.... Еще когда вышел декрет – отбирать землю у помещиков и передавать крестьянам – здешние власти растерялись: помещиков-то на Севере сроду не водилось, у кого же её отбирать, землю-то?...». Эта особая специфика и придает свежесть повествованию Жернакова.

В третьей книге описаны события в предвоенные годы и заканчивается действие романа в годы Великой Отечественной войны.

Жернаков любовно раскрывал читателю и красоты северной природы - в своем первом рассказе "Стерляжники", в брошюре "Охота на уток в низовьях Северной Двины". В багаже писателя более 30 книг: рассказов, повестей, которые вышли общим тиражом более миллиона экземпляров.

Проза о войне

Несомненно, что у каждого, кто пережил Великую Отечественную войну, был ли он под огнём на фронте или в глубоком тылу – в колхозе, на заводе, - навсегда осталось чувство своей неповторимой личной причастности к тем трагическим испытаниям, которые выпали на долю нашего народа. Кажется, что без такого чувства вся остальная

жизнь после войны у человека, пережившего её, не может ощущаться полной, так же, например, как она не может быть полной без любви и ненависти, без радостей, без страданий. 70 лет прошло со дня победы, но время не властно над памятью. Пройдут годы, столетия, а она так же будет тревожить новые поколения, как тревожит и обжигает душу у нас.

В книгах Николая Кузьмича Жернакова, которые вы читали, которые представлены у нас на выставке, под одну обложку собраны короткие рассказы, зарисовки с натуры, написанные в первые годы войны и в самое последнее время. Почти все герои рассказов имели прототипов; автор или шёл рядом с ними в бой, или слушал их рассказы о пережитом. Представляется, что, собранные воедино отрывки из этих рассказов сольются в нечто цельное, ибо не может не быть цельной жизнь, прожитая целым поколением.

Но сначала окунёмся в атмосферу войны, настроимся на разговор об этих трагических и, одновременно, доблестных страницах истории нашей страны. (Прослушаем песню)

«Трое во ржи» - это три солдата, оказавшиеся в тылу врага, в ходе боевой операции потеряли они шесть человек. Им дан был приказ: «во что бы то ни стало прорваться к реке, отрезать немцев от переправ, не дать перебросить технику, особенно танки!» - таков был приказ взводу лейтенанта светлячка. Весь день они пробирались непроходимыми болотами, шли в обход. Вражеских солдат в болотах не предполагалось встретить. Но попали под внезапный огонь. Шестеро были убиты. Остальные ушли. Трое остались отрезанными от своих. Сбившись с пути, они вышли на какое-то ржаное поле. Недалеко был берег реки. Здесь и разворачиваются все основные события повести.

Автор внимательно присматривается к каждому из троих героев, к их прошлой жизни. Первого из солдат зовут Дмитрий Аннушкин. На данный момент ему 24 года. Рос Митька безотцовщиной, отца он не знал совсем, а мать померла, когда ему и 10 не стукнуло. Он вырос среди вольницы, бродяжничал, не раз вступал в серьёзный конфликт с законом. Но встреча с Марьянкой, которая полюбила его, на которой он женился, перевернула всю его жизнь. Лихости у него на войне не поубавилось, Аннушкин мог пойти на самое рискованное и отчаянное дело, недаром он в разведке служил.

Второй из солдат наш земляк – Никита Басов. Рассудительный и степенный командир отделения. Такой командир просто необходим был рядом с необузданным и горячим Аннушкиным. Расчет и неторопливость, обдуманность каждого шага – вот что вносит этот молодой помор в действия маленькой группы.

Третий солдат – это Павел Палтусов. Образцовый, подтянутый, его всегда ставили другим в пример. Теперь он оказался в тяжелом положении из-за ранения в голову. Правда и Басов тоже ранен, у него перевязана и ноет от боли рука, она совсем не действует, но... ведь есть другая. Басов и Аннушкин, чем могут, облегчают положение раненого Палтусова. Басов раскатывает свою шинель, затеняет его от солнца, Аннушкин добывает воды, чтобы облегчить страдания раненого, хотя чуть подсказывало ему, что Палтусов ненадежен в критический момент. А Палтусов думает о

Басове отчужденно, даже с некоторой неприязнью: дескать что этот необразованный рыбак, этот «медведь» может придумать в такой сложной ситуации, в которой они оказались.

Немцы строили на реке переправу, чтобы переправлять на другой берег машины со снарядами. У наших трех солдат был выбор – ждать наступления своих или действовать подорвать колонну с машинами еще до того, как они тронутся на мост, так как к мосту было совершенно не подобраться. (читаем стр. 47-48)

Палтусова, как раненого решили не брать на операцию, а послать с донесением к своим, у него был шанс добраться. Но прибыв на условленное место, Аннушкин не нашел его там. И Басов с Аннушкиным решили действовать. То есть взорвать немецкие машины с оружием.

У раненого в голову Палтусова был свой план. Он решил во что бы то ни стало выжить. (читаем стр. 40-41) И Палтусов уходит с назначенного ему места. (Читаем стр. 50-51, О чем же думал в эти минуты Палтусов, когда его товарищи разрабатывали план подрыва немецких машин? Читаем (59-60).

И наконец сам подвиг солдат. (Читаем о подвиге Аннушкина и Басова стр. 58), И как погиб Палтусов стр. 61 -62)

Все трое погибли. Двое погибли героически, они сознательно шли на гибель, почти не имея шансов на спасение. Они нанесли перед смертью чувствительный удар по врагу, взорвав машины со снарядами через Волгу. Но их героического поступка, их гибели никто не видел. И эти двое считаются без вести пропавшими. Третий, раненый в голову, но способный передвигаться, не проявил героизма, даже смалодушничал, решил спастись один. Он полз к своим, но напоролся на противника и был сражен автоматной очередью, успев перед этим бросить гранату. О нем известно, что героически погиб, при выполнении задания».

В конце повести даны три короткие сценки, как спустя много лет, в День Победы, родные и близкие погибших чтут их память. В одной из деревень молодая женщина Марьяна, бывшая жена лихого разведчика Аннушкина смотрит на старенькую фотографию и говорит: (читаем стр. 65 «Солдатские были» Жернакова. «Ну, здравствуй! Столько лет прошло, митя, а всё помню. Жалко, могилка твоя неизвестна. Да разве в том дело! Много вас, ой много, полегло да пропало без вести... Которы есть – на обелиске выписаны, а которы вот так, как ты... А народ-то всех помнит... Ты, Митя, за то загинул, чтобы жили мы все. И за это, Митя, низко тебе кланяюсь». Марьяна вышла замуж второй раз. Она уже мать большого и дружного семейства. Но всегда в День Победы она до земли кланяется фотографии своего Мити и грустные мысли не оставляют её.

А в далекой северной рыбацкой деревне сестра Никиты Басова, командира отделения, до сих пор через много лет пытается найти следы своего брата, узнать где он погиб. Она идет в день Победы к большому серому камню, на котором любил сидеть её брат и сидит на нем по несколько часов, вспоминая его и думая (читаем стр. 69 там же) Друг детства говорит его сестре Фетинье (читаем стр. 68 из книги «Солдатские были» Жернакова)«Не пропал он без вести, не! И не томи ты себя, и мысли не держи. Великие тысячи полегли безвестно, а разве мы сможем позабыть их? Никогда! Нет, не напрасно

они полегли, - весь мир знает за что... Так-то Фетинья Корнеевна. Потому как вместе они спасали этот мир – и известные и безвестные. И мы своей жизнью им обязаны.

А в городке на Псковщине, в тот же день маленькая живая старушка, мать третьего солдата, показывает своим гостям фотографию на высокой серебряной подставке. И пред первым тостом за столом здесь по обычаю читают письмо командира взвода, в котором сообщается о геройской гибели Павла Палтусова, похороненного в братской могиле на берегу Волги. И место гибели его известно в отличие от двух других солдат. И пишут о нем как о герое. (читаем стр. 71 там же)

Никто задним числом не бросит камень в Павла Палтусова, не омрачит последних лет жизни его матери, ведь единственную гранату, которая у него была он бросил под ноги вражеских солдат... Но, кто знает, если бы не смалодушничал он в критический момент, а остался бы на месте, как приказал ему командир, то его послали бы с донесением к своим. Возможно тогда бы он добрался до своих и остался жив, и о подвиге тех двоих знали бы наши, и не числились бы в списках без вести пропавших ... Вот так бывало на войне.

А сейчас зачитаем отрывки из разных рассказов Жернакова о войне.

Рассказ («Москва закрыта»): «...Бой шёл уже третий час. Симка не помнил, сколько было отбито атак. На склонах холма тут и там дымили и пылали подбитые танки и самоходки. Один танк стоял даже в тылу, за позициями лейтенанта, стоял, нелепо подняв в небо выщербленный на самой середине снарядом ствол пушки. Вдали появилась пехота, над обороной то и дело кружилась «рама» – немецкий корректировщик. Тяжёлые снаряды уже не раз рвались в окопах. Симка совершенно забыл, что его могут убить, как убивают других. Чуть пригнувшись, он перебежал от расчета к расчету, заменял по возможности выбывших – убитых и раненых, но пришло время, когда заменять их стало нечем. Убитых даже не оттаскивали в сторону. Только раненые лежали в воронках, а те, кто мог стрелять, - действовали. ... Немцы приостановили наскоки с ходу, но видно было, что они готовятся к новой попытке смять защитников высоты. В ложине, в старице, где, очевидно, было когда-то русло реки, танки группировались на виду в трёх местах. Около них накапливалась пехота. На другую сторону ложины пехота подходила прямо в колоннах. «Что же дальше? – оглядев всё это, внезапно подумал Симка и ощутил такую тоску, что готов был заплакать от безысходности. – В отделении осталось всего два ружья ПТР на четыре бойца. Лейтенант больше не подаёт о себе вести. На обороне ничто не движется: или оставшиеся в живых ничем себя не обнаруживают, или... Есть ли уж там кто-нибудь живой?»

Рассказ («Если б можно забыть...»): Из апатии меня вывели крики и гвалт автоматчиков. Они неистово кричали и ругались у толпы пленных немцев.

- Отставить! Что здесь происходит? – стараясь перекричать их, заорал я, подбегая.

- Нет, вы только посмотрите, товарищ командир, что они упаковали в свои посылочки, - кричал Васькин, трясая перед моим лицом какою-то тряпицей. – Да после этого их надо всех, сволочей, надо пострелять без разговоров!

- Что такое, старшина? - обернулся я к Петелину, угрюмо стоявшему в стороне над кучей таких же тряпок.

- Да вы только посмотрите, что они отправляли, - как видно, тоже с трудом сдерживая ярость, глухо заговорил старшина, подавая мне детскую белую рубашку.

И только теперь я разглядел на ней бурые пятна вокруг крошечных дырок. Происхождение их не вызывало сомнений. А в памяти тут же мелькнула картина: десятки расстрелянных у стены гуменного сарая в одной из подмосковных деревень. Глядя на окровавленную рубашонку, я видел сейчас скорчившиеся и детские тела, и взрослые, зачоченевшие на морозе, в залитом кровью белье. Это же с расстрелянных...

Рассказ («Василиса»): Болезненная дрёма клонила голову, и я, наверно, в самом деле, замёрз бы насмерть, если бы вскоре неподалёку от меня опять не раздался так поразивший меня напевный девичий голос.

- У вас что, лейтенант, нога? – обратилась к кому-то Василиса, и сон у меня сразу пропал: она стояла рядом.

- Нога, - со злой иронией ответил, как видно, уже совсем исстрадавшийся раненый. – Была у меня когда-то нога... А теперь, что, не видишь? Так какого чёрта спрашиваешь?

- Ну зачем вы кричите на меня, лейтенант? Возьмите себя в руки.

Маленькая, в аккуратной форме, Василиса склонилась над раненым, и вдруг я увидел, как левый рукав её шинели порывом ветра невесомо откинуло в сторону. Пустой! Пустой рукав!

(«Василиса»)

Рассказ («Слышите нас, живые?»): Я убит.

Я не видел, но видели те, кто остался жить после меня, как замполит Сорока допустил до себя целую кучу врагов, выкинув белый платок из своей щели. Я не слышал его последних слов. Но слышали другие: «Живьём матроса не взять, недоноски!! Вот я – возьмите!» - и он выскочил из щели. И грохнул себе под ноги связку гранат. И не двух, и не трёх, а может быть, десяток врагов положил доблестный Сорока. И не при мне от имени Родины перед строем благодарили героев, что ценой жизни своей помогли в ту ночь разбить врага на важном для нас участке фронта. И без меня вручали в беломорской деревне моей старой матери мой орден

Я убит. Я лежу в братской могиле под Ржевом, недалеко от деревни Гридино. Рядом со мной мои друзья: Павел Солёный, Александр Сорока, Михаил Самсонов и много, много других. Живые, вы слышите нас?» Почему именно этим рассказом заканчивается наш разговор о военной теме в рассказах Н.К.Жернакова?

Творческая активность Николая Жернакова успешно сочеталась с его активностью в общественной жизни. Шесть лет Николай Кузьмич был членом Архангельского обкома КПСС, несколько лет возглавлял областную писательскую организацию, долгие годы являлся председателем областного комитета защиты мира. На 5-ом съезде писателей России Жернаков был избран членом Ревизионной комиссии Союза писателей РСФСР.

Также он являлся членом Совета по русской прозе Союза писателей РСФСР, членом редколлегии журнала «Север». Творческая и общественная деятельность писателя отмечены высокими наградами Родины—орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «Знак Почета».

Умер Николай Кузьмич Жернаков 28 декабря 1988 года

Список используемых источников

Галимов Ш.З. Подвиг Николая Жернакова: К 90-летию солдата, писателя и гражданина / Ш.З. Галимов // Двина. – 2004. – № 4. – С. 35 - 36.

Галимов Ш.З. Рождение главной книги / Ш.З. Галимов // Уроки человечности: Литература и Север / Ш.З. Галимов. – Архангельск, 1984. – С. 59 - 81.

Галимов Ш.З. С добрым сердцем о добрых людях / Ш.З. Галимов // Чувство времени / Ш.З. Галимов. – Архангельск, 1966. – С. 76 - 108

Д. "Север" и военная тема // Север. – 1994. – № 10. – С. 93 - 100.

[Жернаков Николай Кузьмич] // Поморская сага: Образ Русского Севера. – М., 1984. – С.551 - 552.

Михайлов А.А. Северодвинская сюита Николая Жернакова / А.А. Михайлов // Северная тетрадь / А.А. Михайлов. – Архангельск, 1976. – С. 85 - 103.

Николай Кузьмич Жернаков // Архангельские писатели: биобиблиографический справочник. – Архангельск, 1986. – С. 49 - 54.

Пономарев Б. Певец земли холмогорской / Б. Пономарев // Литературный Архангельск. – Архангельск, 1982. – С. 145 - 149.